

Яков Тублин

ОБРАЗ ЖИЗНИ

*Избранные
стихотворения и поэмы*

Яков Тублин
Образ жизни

«Издательство К.Тублина»

Тублин Я.

Образ жизни / Я. Тублин — «Издательство К.Тублина»,

В книгу избранных стихотворений и поэм Якова Тублина «Образ жизни» вошли произведения, написанные после переезда в Израиль, а также изданные и не изданные стихи прошлых лет. Яков Тублин знаком читателю по поэтическим книгам «Каждый день», «Теплоход», «Час прилива», по многочисленным публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках и антологиях. «Образ жизни» – это стихи о военном детстве, флотской юности; философская и любовная лирика, размышления о сегодняшних и вчерашних событиях. Многие стихи навеяны впечатлениями от поездок в разные страны.

© Тублин Я.

© Издательство К.Тублина

Содержание

НЕМНОГО О СЕБЕ	6
ПОСЛЕ ИСХОДА	8
«Тронулась, и отошла навсегда...»	9
Мост	10
«Голубое рассветно-холодное пламя...»	11
«Нет, душа не виновата...»	12
В Иудейской пустыне	13
Слияние	15
Ашкелону	16
«Какой сегодня вечер пряный!...»	17
Осенний эскиз	18
На своём берегу	19
За гранью	20
Утренняя молитва	22
Сон перед Песахом	24
Иудейский верлибр	25
Возле синагоги	26
Кадиш [5]	27
Мой иврит	28
Привыкаю	29
«Мы с внуком в шахматы сыграем...»	30
«Стала речь моя исповедальной...»	31
Молитва	32
Нью-Вавилон	33
Изменения	34
***	35
ПАРИЖ – ЛОНДОН	36
Перелёт	36
Поздние прогулки	36
***	37
***	38
Сны сбываются	38
***	39
Выходя из музея Мадам Тюссо	40
***	41
ИТАЛИЯ	42
***	42
Флоренция	42
Венеция	43
Швейцарский эскиз	43
ИСПАНИЯ	44
По Гвадалквивиру	44
Улетаю в Мадрид	44
Покидал Кордову	45
СКАНДИНАВИЯ	46
Дождь в Копенгагене	46

«Вечерний звон» в Данни	47
Размышления у водопада	48
Рыбный рынок в Бергене	48
***	49
Если бы...	50
ИЗ АМЕРИКАНСКОГО БЛОКНОТА	51
Просыпайся, Америка!	51
После 11 сентября 2001 года	51
Встреча с братом в Чикаго	52
Прогулка по дождю	53
ГЕРМАНИЯ	54
***	55
Осень в Кёльне	55
В Трире	56
По дорогам римских легионов	56
***	57
***	57
Амстердам	58
Над Дунаем	58
СЕГОДНЯ И ВЧЕРА	60
Разговор на прощанье	60
Воспоминания о флоте	61
Три аккорда	62
Триптих пера	62
Художник	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Яков Тублин

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Избранные стихотворения и поэмы

НЕМНОГО О СЕБЕ

Писать о себе и легко, и трудно. Потому буду по возможности краток, тем более что подробностей моей биографии достаточно в этой книге избранных стихотворений и поэм.

Я родился 13 октября 1935 года в городе Николаеве, что стоит на берегах двух рек – Южного Буга и Ингула. И совсем рядом – Чёрное море.

Порог наш, у которого росла белая акация, выходил на Привозную улицу, где на шестом году жизни меня и застала Война. От неё мы надеялись спастись в Сталинграде. Нашли место! ... Что там было, рассказывать не стоит – это знают все.

Осенью 1942 года нам с мамой чудом удалось вырваться из пекла и добраться до Урала. В 1943 году погиб отец. В Николаев возвратились только в 1949 году.

Окончил Николаевский судостроительный техникум и Одесский государственный университет. Строил корабли, занимался отраслевой наукой. Много ездил по бывшему Союзу. Четыре года служил на Балтийском флоте минёром.

Пишу с детства. Первые стихи напечатал в 17 лет. С тех пор печатался в газетах и журналах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Николаева и других городов Союза; в многочисленных коллективных поэтических сборниках и антологиях.

Изданы три книги стихов: «Каждый день» (1971 г.), «Теплоход» (1979 г.), «Час прилива» (1987 г.). Стихи переводились на украинский, осетинский и другие языки. Дважды был премирован на поэтических конкурсах «Комсомольской правды».

С благодарностью вспоминаю тёплые отзывы о моих стихах Ярослава Смелякова, Сергея Наровчатова, Валентина Катаева и особенно Аделины Адалис.

С 1991 года живу в Израиле, в древнем и молодом городе Ашкелоне, на берегу Средиземного моря. Много путешествовал по странам Европы, побывал в США. Новый этап жизни – новые впечатления, ощущения, мысли.

Но и прошлое, тем не менее не отпускает.

В настоящую книгу вошли избранные стихи последних полутора десятилетий, стихи прошлых лет, включённые и не включённые в ранее изданные книги, и две поэмы, опубликованные на Украине и в Израиле.

Понимая, что стихи, по большей части, – дело личное, надеюсь всё же, что Читателю хоть в какой-то мере будет интересен мой «Образ жизни».

Яков Тублин апрель 2007 г.

ПОСЛЕ ИСХОДА 1991 – 2007 годы

«Тронулась, и отошла навсегда...»

Тронулась, и отошла навсегда
Эта земля.
Как душа, отлетела.
Первую родину покидать —
Горькое дело.

Небезразлично и не всё равно,
Кто его знает —
Где больше покоя?
Небо едино и солнце одно,
Но – другое.

То ли темнеет, то ли блестит
Море внизу.
И какая-то птица
Встречная обратно летит,
Пересекая без визы границу.

Туча набухла, до края дойдя,
Небо на две половинки распалось.
Новое солнышко улыбалось
Сквозь слёзы дождя.

Мост

Детям и внукам моим

Стынет апельсиновая роща,
Небеса февральские темны.
Думаю: «А может, было б проще
Не менять ни жизни, ни страны?»

Позади российские просторы,
Украины степи и поля.
Годы. Годы счастья и позора,
Ближних предков горькая земля.

Что ж меня подвигнуло оставить
Эту землю и сюда лететь?
Кто меня осмелится ославить,
Что я выбрал место умереть?

Только помирать как будто рано
Под таким приветным небом мне,
В этой, для меня пока что странной,
Иудейской вечной стороне.

Кипяток крикливого иврита
Обжигает слух, но я молчу.
Разве мова ¹ прежняя забыта?
Разве я забыть её хочу?

Но не запою и не заплачу:
Не за что и некого винить.
Сам решил судьбу переиначить,
Сам решил я жизнь переменить.

Это всё – нелёгкая наука,
Это – нешутейная игра:
Мост построить для детей и внуков —
Гешер ² в этот Богом данный край.

Да хранят их здесь, под светлым флагом
Доброта, любовь и красота —
Даже пусть костями навечно лягу
При постройке этого моста.

¹ Мова – язык (укр.)

² Гешер – мост (ивр.)

«Голубое рассветно-холодное пламя...»

Голубое рассветно-холодное пламя
Так сияет, что нет ни мелодий, ни слов.
Изумрудно-отчётливо смотрится пальма
Здесь – на фоне высоких и белых домов.

Постою, помолчу, но недолго, немного,
На рассвет полюбуюсь из-под руки.
Просыпается старая синагога,
Муэдзину крикливому вопреки.

Я стою, ошарашенный и потрясённый,
Посреди апельсиновой ворожбы,
Где на древнем иврите картавят вороны
И на идиш чирикают воробьи.

Чайки смело взлетают с высокого мола
И сливаются с облаком вдалеке.
А волна Средиземного тёплого моря
Не стесняется петь на родном языке.

«Нет, душа не виновата...»

Нет, душа не виновата
В том, что на сердце слеза.
В эту ночь перед Шабатом
Отпустило тормоза.

Напустил я в комнату озона —
Хватит мне теперь на целый день.
Сердца моего штрафная зона
На душу отбрасывает тень.

И пусть катится слеза —
Отпустило тормоза.

Нет, душа не виновата
В эту ночь перед Шабатом,
Что не спит она, не спит,
А телегою скрипит.

Отпустило тормоза —
И пусть катится слеза...

В Иудейской пустыне

Как долго и трудно
Я шёл к Иудейской пустыне.
Мой след затерялся,
И здесь к рассвету простынет.

Карельские сосны, озёра,
Украинский тополь...
Я вдоволь и всласть
Насмотрелся, испил и протопал.

Дышал вашим воздухом,
Жил вашей болью и верой —
И вот я на склоне стою,
Перед рыжей пещерой.

А в Мёртвое море, как соль,
Оседает и эта минута.
Я не виноват,
Что родился в долине Галута.

За всё заплатил я сполна,
И не требую сдачи.
Я в центре пустыни стою,
Не молюсь и не плачу.

О чём попросить,
Если я не умею молиться?
Оазис внизу —
Там, в тени, подадут мне напиток.

Чего ещё надо,
Чтоб выйти опять на дорогу!
У Бога не просят,
А благодарят только Бога.

За серо-зелёное море
Под куполом синим,
За то, что стою
Посреди Иудейской пустыни.

За то, что Исход —
Хоть и поздно – всё же случился;
Что жив до сих пор,
Не разбился, не спился.

Особо за то,
Что, ни слова молитвы не зная,
Уже я, по сути, допущен
В приёмную Рая.

Мне так на душе
Не бывало спокойно доньше,
Как в этих невзрачных горах
Иудейской пустыни.

Слияние

Уже и смех, и слёзы
Остались позади —
Сибирские морозы,
Балтийские дожди.

И местные евреи
Нам говорят: «Смотри,
Как медленно светлеет
Израиль изнутри.»

Движенье и слиянье —
Великий «никайон»³.
Уже его сиянье
Видать со всех сторон.

Мы «пашем» с интересом
С утра и до утра.
Совсем другая пьеса
Здесь шла ещё вчера.

Мы стали выше ростом —
Совсем иной полёт.
А завтра на подмостках
Другой спектакль пойдёт.

³ Никайон – уборка (*ивр.*)

Ашкелону

Путь земной закончить дай мне силы,
На последний выдох и поклон,
Скромный, незатейливый и милый,
Иудейский город Ашкелон.

Мой просторный, молодой и древний,
Дай мне ничего и дай всего,
Ты – моя родимая деревня,
И столица сердца моего.

Дай ещё мне дюжину апрелей,
И хотя бы столько октябрей.
Вряд ли так тебя ещё воспели
Бескорыстнее или добрей.

Поклоняюсь якорю и флагу
Здесь, где волны ласково поют.
В землю я твою, наверно, лягу,
Мой причал последний и приют.

Научился смерти не бояться
Я у этой голубой воды.
На твоём песке запечатлятся
Пусть мои последние следы.

Я грустить не буду о разлуке,
Потому как подавать мне весть,
Я надеюсь, будут внуки —
Внуки, народившиеся здесь.

«Какой сегодня вечер пряный!..»

Какой сегодня вечер пряный!
Ещё тепло, ещё светло.
Спасибо осени за праздник,
Спасибо лету, что прошло.

И птице завтрашней спасибо,
Спасибо – дожил до утра.
Я небесам шепчу: «Спасите
От боли, что была вчера».

И да хранит нас всех от горя
И голубой, и белый цвет.
Как элегично дышит море,
Какой простой даёт совет:

«Живи покуда, наслаждайся.
Как я дышу, так ты дыши.
Не суетись, не зарывайся,
А можешь, так стихи пиши.»

И всё вокруг полно доверья,
Что раньше и не снилось нам.
Здесь ритмы скачут по волнам,
И рифмы падают с деревьев.

Осенний эскиз

Жёлтый клён на зелёной поляне стоит,
И такой удивительно ласковый вид —
Левитану, наверно, не снилось.
Левитан, главный русский художник, Исаак,
Ну признайся – слабо намалювать вот так?
Вы смогли бы, скажите на милость?

Одинокое облако вдалеке,
Куст зелёный на жёлтом песке,
Кошка рыжая с голубем в паре.
Ну, ответь мне, пожалуйста, Веня Ван-Гог,
Ты б такое на трезвую голову смог
Там – на юге, в провинции Арля?

В том и радость, и грусть, и успех, и беда:
Ни за что и нигде, никому, никогда...
Вам такое вовек не приснится —
То, что утром сегодня открылось мне
В Иудейской моей стороне:
Лист, летящий под небом из ситца.

Жаль, конечно, что в этом отрезке пути
Ваших красок карминовых не развести,
Будь хоть дважды, хоть трижды поэтом
В апельсиновых этих осенних лесах.
...Если завтра мы встретимся на небесах,
Расскажу я вам лично об этом.

На своём берегу

Ласковый вечер спустился
В эти святыя края.
Вот наконец и прибился
К милому берегу я.

Воина внук и раввина,
Бывший российский моряк,
Как тебе эта равнина
И левантский маяк?

Как тебе этот гортанный,
Этот горячий язык,
Запах фалафельных пряный?
Да, понемногу привык.

Кончилась пьяная свадьба —
Что же о том горевать!
Вот на могилу слетать бы
К маме.
А после опять
Буду вдыхать у порога
Вечер тягучий, как мёд.

Ну, а отсюда дорога
Лишь вертикально идёт...

За гранью

Ни днём, ни чёрной ночью,
Мне кажется опять,
Уж никогда воочью
Тех мест не увидеть.

За гранью и за кругом
Живу я неспеша.
Между Днепром и Бугом
Ещё моя душа.

Где мокрым листопадом
Засыпаны года.
И я твержу: «Не надо,
Не надо мне туда!»

Я хуже или лучше
На свете жил досель,
Но вот родился внучек
В Эрец Израэль ⁴.

Он не чужак приезжий
Из русских палестин,
А этих побережий
Законный гражданин.

Он станет новой вехой,
Он станет новым днём.
И только дальним эхом
Россия будет в нём.

Какой-то далью серой
И дымкой голубой,
Какой-то прежней верой
И дедовой судьбой.

Над этим вечным морем,
Где властвует иврит,
Он прикоснётся к Торе,
Молитву сотворит.

О том тысячелетье,
Неведомом ему.
О прадеде и деде,

⁴ Эрец Израэль – земля Израиля (*ивр.*)

Что канули во тьму.

Утренняя молитва

Хочу я у внучки на свадьбе гульнуть,
На сына её хоть разочек взглянуть.
Чтоб в будущем веке хотя бы денёк,
Хотя бы часок
Быть счастливым я мог.

Я очень устал здесь,
Но тихо молю:
Господь, дай мне времени,
Я потерплю.

Дай тыщи восходов и тыщи дождей
На долгие годы для наших детей.
Дай песню одну, но без всяких оков,
Тогда и зови —
Я к дороге готов.

Но прежде хочу, чтоб сгорело в огне
Всё, что я и сам ненавижу во мне.
Чтоб сдохли враги,
Чтоб воскресли друзья.
Мне лучшей молитвы придумать нельзя.
Особая нация
Русская эмиграция:
Русский, еврей,
Это особая нация,
Это – крутой рассол.

В этом рассоле квасятся
Столько десятков лет
Гении, воры, классики —
Бывшей России цвет.

Мы, как степные лошади
С крепкою головой —
На Тель-Авивской площади, —
Бруклинской мостовой.

Слава за нами тянется
Памятного греха:
Мы мировые пьяницы
И мастера стиха.
Родины горькой отпрыски,
Бывшей страны народ,
Словно в бессрочном отпуске,

Здесь, «за бугром», живёт.

Сон перед Песахом

Сон тяжёлый мне голову мнёт.
Это ж надо такому присниться!
...В мокрой просеке серая птица
Всё никак не сорвётся в полёт.
Перья встрепаны, ноги в крови,
Переломаны крылья большие.
Далеко до пределов России,
Как от чёрного зла до любви.
Ветер чёрный гуляет в лесу,
И плывет в небе месяц библейский.
Профиль птицы такой иудейский...

Я проснулся в четвёртом часу,
Голубое окно растворил.

Лёгкий бриз Средиземного моря
Долетал из-за ближнего мола
И в рассветные трубы трубил.
Но стоял этот сон в голове,
Как сюжет из шекспировской пьесы.

...Скоро праздник, подумалось, – Песах.
Это видно по яркой траве.

Иудейский верлибр

Я – воздух на конце огня,
Я – камень на конце дождя,
Я – синее на грани красного,
Я – белое на грани чёрного.
Я – корень дерева,
Что тысячи тысяч лет
Питалось сточными водами
Чёрно-багрового мегаполиса,
Дерева тысячи лет
Дышащего удушливым дымом,
Высокого дерева
Весной выстреливающего в небо
Миллионы миллионов
Зеленых моих внучат,
Печально умирающих осенью
И уносимых жёлтыми ветрами
В серую пустыню.
Я – верхний слой живой земли
Под постаментом чёрного памятника тьмы.
Я – трава, ломающая железный асфальт.
Я – ствол пушки,
Нацеленной чугунным ядром
В самое сердце добра.
Я – голубая вода
Для закалки стали будущего меча,
Что снесёт с чёрного памятника
Смрадную голову зла и ненависти.
Я – острие этого меча.
Я – крик
На грани рыдания и песни.
Я – расстояние
От родильного крика
До смертного вздоха.
Вот поэтому
Я – синее на грани красного,
Я – белое на грани чёрного,
Камень на конце дождя,
Воздух на острие огня.

Возле синагоги

Возле белой синагоги
Дева смуглая стоит,
И младенец тихо дремлет
На её крутом плече.
Возле белой синагоги
Я стою – российский жид,
И войти я не решаюсь
Под ее высокий свод.

Мимо – в чёрных лапсердаках,
В шляпах чёрных и в пенсне.
Вот проходит сын Хабада,
Смотрит странно на меня.
Мимо – в чёрных лапсердаках...
А душа моя – во сне.
Не решаюсь, не решаюсь
Я переступить порог.

Я молюсь звезде заката,
Первой вспыхнувшей звезде.
И мои воспоминанья
Никому не увидеть.
Я молюсь звезде заката
Одинаковой везде —
То ли в Иерусалиме,
То ли в Ялте, на горе.
Есть о чём мне помолиться.
Что у Бога попросить.
Сколько смуты накопилось

За прошедшие года.
Подойти к свече вечерней
И поклоны долго бить.
...Только я Его не вижу,
И не видит Он меня.

Кадиш ⁵

В зените солнце так палило,
Как палит здесь во все века.
Мы стали на краю могилы —
У кромки рыжего песка.

Вот здесь тебе досталось выпить
Последний приторный стакан,
Где Иордан впадает в Припять.
А, может, Припять – в Иордан.

Нет места для зелёной злобы.
Есть только горечь и печаль.
Как далеко достал Чернобыль!
В какую докатился даль!

Кадиш короткий кончен чинно,
Холодный камешек в руке.
А иудейская долина
На русском плачет языке.

⁵ Кадиш – заупокойная молитва (*ивр.*)

Мой иврит

Вы только превратно меня не поймите —
Не врун я, не лжец, не нахал —
Я с нежного детства болтал на иврите,
Но сам я себя не слышал.

В зелёные годы и в спелые годы
Лежал я в развалинах школ
Отрезанной веткой большого народа,
Зарытой в российский подзол.

А соки ее пробивались так редко
Сквозь стыд, и сквозь страх, и сквозь грех.
И что я сегодня —
Та самая ветка,
А, может зелёный побег?
Так кто я сегодня,
Так кто я, скажите?
Я стар и настолько же мал.

...Я с детства еще говорил на иврите,
Но только об этом не знал.

Привыкаю

Я так привык быть несчастливым,
Тянуть суровой жизни нить,
Что нынче как-то некрасиво
Мне жаловаться или ныть.

Ведь, слава Богу, жив я вроде,
И слава Богу, вроде сыт.
И в окружающей природе
Ничто мне вроде не грозит.

И море тёплое игриво,
И свет горит в моём дому.
Я привыкаю быть счастливым —
Привыкнуть можно ко всему.

«Мы с внуком в шахматы сыграем...»

Мы с внуком в шахматы сыграем,
Потом из лука постреляем,
Затем еще чего начнём —
К примеру – бицепсы качнём.

Мой внучек Филька,
Нет причины
Бездействовать —
Ведь мы – мужчины.
Давай, не кисни и не ной!
Вперед! И повторяй за мной!

Наверно, Богу так угодно,
Что б ты был сильным и свободным.
Осваивай борьбу и бег,
Другого века человек.
Берись за кисть и за смычок,
Мой внук, мой птенчик, мой бычок!

Но только чтобы не война...
Твоя вина – моя вина.
Народы, расы – всё враньё!
Земля – Отечество твоё!
Стихи пиши, долби гранит —
Трудолюбивых Бог хранит.

Он слушает меня пока,
Но всё же морщится слегка,
И мне даёт такой ответ:
– Не доставай! Сам знаю, дед...

«Стала речь моя исповедальной...»

Стала речь моя исповедальной —
Здесь, где я поднялся и упал,
Где, не только территориально,
Ближе к Богу я сегодня стал.

Восемь лет хожу по новой тверди,
Восемь лет тропу к Нему ищу.
Но за мною следом бродят черти,
Хлопают, кривляясь, по плечу.

Боже мой, я знаю не по слухам
(Потому как это сам прошёл),
Что кругая русская сивуха
Делает с еврейскою душой.

Но моя душа не виновата,
Столько лет блуждавшая в лесу.
Ангелы мои – мои внучата,
Только лишь они меня спасут.

Иерусалим – моя столица.
Здесь и оплачу свои долги.
Господи! Евреем дал родиться —
Умереть евреем помоги.

Молитва

...еврей – это святое существо.

Л. Толстой, 1891 год

Всемиловитый Бог,
Я – русский иудей —
Молюсь не за себя,
А за своих детей.

Пока я в мир иной
Неспешно ухожу,
На внуков и детей
Всё пристальней гляжу.

Молитвою моей
Пусть будет русский стих —
О том, что никогда
Ты не оставишь их.

На Волге, на Днепре,
На Иордан-реке —
Прости, что я молюсь
На русском языке.

Нью-Вавилон

А что привёз с собой, —
Сумей сберечь,
Как ту святую воду из колодца.
...В Израиле – украинская речь
(Я вздрогнул даже)
Громко раздаётся.

Как без вести давно пропавший брат,
Является утраченное слово.
Как будто тыщи лет тому назад,
Нью-Вавилон здесь создаётся снова.

Ещё мне часто снятся те края,
Где обитают ангелы и черти.
Язык мой русский – родина моя,
Отречься от тебя – мне равно смерти,

На этом языке душа болит
И радуется новой судьбою.
Мой русский родич,
Изучай иврит:
Ведь мы – от Бога одного с тобою.

Изменения

Приобретают новые значения
События, и мысли, и слова.
Уже за мной – иное поколение;
Точнее быть – так даже целых два.

Мои – неужто вправду? – эти дети,
И внуки эти?
Кто б подумать мог!
Хочу увидеть поколение третье,
Но это, если мне позволит Бог.

Я возраст свой порою забываю.
И вот, покуда длится этот миг,
Волна накатывает молодая
На слово неизбежное – «старик».

И ничего не изменилось будто,
За исключением мелочи одной:
Где в слове «Бог» писал строчную букву,
Уже не обойтись без прописной.

Серьёзные сроки приспели,
Раздумья толпяся гурьбой.
Что делать мне с этим апрелем
И с этой весной голубой?

Что делать мне с этим рассветом,
С заботой грядущего дня?
Устала душа от диеты,
И в странствия манит меня.

И запах костра горьковатый
Я чувствую как-то острей.

...Что делать мне с этим закатом,
С апрелем,
И с жизнью моей?

ПАРИЖ – ЛОНДОН

Перелёт

Я не на «Боинге» летел —
На крыльях сказки.
А справа небосвод алел
Невиданной раскраски.

Я полстолетья ожидал
Такого рейса.
А рядышком Тору читал
Попутчик в пейзах.

Носители подагр и грыж
И прочих болей
Летят из Эреца ⁶ в Париж —
Не менее, не более.

И даже те, кто встать не мог
Вчера с постели,
Переступили свой порог —
Летели!...

Не то что стонов —
Вздоха нет,
И даже шутки кстати.

Аэропорт. Париж. Рассвет.
...На самом на закате.

Поздние прогулки

Как белый человек,
Вхожу в «Гранд Опера»,
Фотографируюсь на Эйфелевой башне.
На авеню Дэ Итали с утра
Пью кофе.
В полдень сувенир пустяшный
Куплю над Сеной,
Франками звеня.
И как когда-то Хэм,

⁶ Эрец Исраэль – земля Израила (*иврит*).

По Монпарнасу
Пройду вразвалку —
Весь Париж в огнях —
И возвращусь в отель
К ночному часу.
Опухли ноги,
Пухнет голова
От этих слишком поздних впечатлений
И скошенная майская трава
Молочно пахнет,
Словно в День Творенья.
Минутку посижу – саднит в боку,
Но я ещё тащусь в кафе «Ротонда».
Стою, припав к дверному косяку,
Без всякой позы и без всякой фронды.
Бульвар Распай, уж ты меня прости —
Свернул бы влево, но устал серьёзно.
Пора передохнуть. Ловлю такси.
...Как поздно всё же,
Как, однако, поздно!

Какой запоздалый подарок
Случился над Сеной-рекой:
Стою под какой-то там аркой —
Неважно совсем под какой.

Чего и какого я ради
По улицам этим плетусь?
Какая-то горькая радость,
Какая-то сладкая грусть.

Я выйду к тому переулку,
Под этим пройдуся фонарём.

...Как пахнет французская булка! —
Как в нищенском детстве моём,

Как в том огневом и морозном,
Раздетом, голодном, босом.

Париж! Я ребёнок твой поздний —
Лишь выгляжу старше лицом.

Оторвавшись от милой жены,
Я гулял по ночному Парижу.
И почувствовал, что сожжены
Все мосты. И опор я не вижу.

Где я был? Где шатался досель?
Где певал хулиганские песни?
Как случилось: бульвар Сен-Мишель
Променял на бандитскую Пресню?

Я родился не там, не тогда —
Сирий пасынок дикой отчизны.
Вместо жизни случилась беда...

Всё же я ещё жив – после жизни.

И помыслить я даже не мог,
Что я буду когда-нибудь старым,
И окажет мне милости Бог:
Пить бордо на долине Луары.

На Монмартре картину куплю,
К Сене выйду, хмельной спозаранку.
– Мужики, ну ещё по рублю
Соберём! Извиняюсь – по франку.

Я живой: даже выпить могу,
Но жена разрешает немного.
И перед судьбою в долгу,
«Слава Богу, – шепчу, —
«Слава Богу!...»

Сны сбываются

Десять франков – не деньги,
Куплю себе «Русскую мысль».
Ноги вытяну, лягу,
Умывшись парижской водой.
Почитаю, хотя для меня
Эти мысли прокисли...

Сны сбываются значит,
В которых я был молодой.

Как-никак повезло,
Что родился я русским евреем.
Мне глаза завязали,
Стянув на затылке узлом...
Ветерок прилетел —
И с Монмартра кофейнями веет.
Элегично в душе,
Только горло с чего-то свело.

Слава Богу ещё,
Что душа не совсем постарела,
Ну а хвори телесные
Как-нибудь перетерплю.
Сил хватило ещё
Приволочь своё грешное тело
К Нотр Дам де Пари —
Эти камни я с детства люблю.

В Люксембургском саду,
Где когда-то сидел Модильяни,
Майский воздух вдыхаю,
Запивая легчайшим бордо.
Здесь бродил Гумилёв,
Обними Ахматову Аню, —
Десять лет до расстрела
И вечер такой молодой.

Слишком хрестоматийно —
Я это и сам понимаю...

Деревянную лавочку
Солнце успело нагреть.
Я присел, развалясь,
И подумал: «Спасибо, Израиль,
Что за чёрным забором
Позволил мне не умереть».

Ничто не отвлекает
От бесполезных дел,
Никто мне не мешает
По Лондону шататься.
И за спиной остался
Рубеж и тот предел,
Где бы следил за мною некто в штатском.

Ну вот и, наконец,
Язык сгодился мне,
Которым я владел
Уже неплохо в детстве.
Но видеть это мог
Я разве что во сне,
Поскольку был тогда я человек советский...

Опять я не о том,
И снова – не туда.
Но я не виноват:
Всё не забудешь сразу.
...Вот Тауэр стоит,
Алмазная вода
Вот из фонтана бьёт,
И день, как по заказу.

Не надо воздыхать,
И подведём итог,
Пока вагон метро проносится со свистом:
Наверно, всё же есть
На этом свете Бог —
Мне снова столько лет,
Как Оливеру Твисту.

Выходя из музея Мадам Тюссо

Сидела с Депардьё моя жена,
Я в это время с Нельсоном трепался.
Хлебнул с Шекспиром красного вина,
Жаль – Байрон по дороге не попался.

Я вышел. А у зданья Би-Би-Си
Вдруг кстати вспомнил этого майора,
Который двадцать лет тому трусил
Меня, пугая лагерным забором.

Зайдём, майор, в простой английский паб,
Пройдём под красным фонарём на Сохо.
Тебе я склею пару клёвых баб —
Они «допросят» так, что станет плохо.

Да хрен с тобой!...
То было в страшном сне,
Когда ты предлагал мне папиросы.
Тем более, что, может быть, в Чечне

Уже давно отбросил ты колёса.

...Сияет Пикадилли. И Тюссо
Мадам давно осталась за спиною.
Спасибо, сволочь, и «сенкью» за всё,
За всё «мерси», что сделал ты со мною.

Идёт по Темзе пароход,
Я на ходу обедаю.
Куда идёт, зачем идёт —
Не знаю и не ведаю.

На Трафальгарской посижу,
Дыша великим городом,
И за голубкой подгляжу,
Что завлекает голубя.

Суббота в Лондоне – Шабат.
Как говорят на родине.
Спина болит, ступни горят
От расстояний пройденных.

Сидел бы так – мне всё равно —
Хоть гостем, а хоть жителем.
Ирландец рыжий пьёт вино,
Да из горла, как в Питере.

Как Нельсон высоко стоит
В объятых полдня свежего!
Кругом ребята все свои,
Но только чуть повежливей.

От впечатлений еле жив,
Встаю и дальше топаю.
... А вечером – на Тель-Авив,
В его объятых тёплые.

ИТАЛИЯ

Мы вырвались с тобой из круга
Своих обыденных забот.
Вдыхай Италию, подруга, —
Здесь жизнерадостный народ.

В гостинице, в Монте-Катини
Нет смысла киснуть —
В путь пора!
Струится вечер темносиний,
И небо чистое с утра.

Мы столько лет в замоте жили,
Такой тащили груз и вес,
Что, право, честно заслужили
С тобою порцию чудес.

Нас май с природой обвенчает.
Я этот май дарю тебе.
...Мы во Флоренцию въезжаем —
Благодарение судьбе.

Флоренция

Какого тебе ещё надо рожна!
Картину купи и бутылку вина.
Ныряй с головой, закрывая глаза,
В шальной, боевой Флорентийский базар

Хоть вера не та и ментальность не та —
К ступеням собора Святого Христа
Присядь, если двигаться далее лень,
Используя статуи мраморной тень.

Душе дай пожить без заумных идей,
Разлива российского иудей.

И, глядя на звёзды, к гостинице правь,
Прикончи вино, а картину оставь.

Венеция

Звёзды в тучах спрятались
В итальянском небе.
Я впервые радуюсь
Там, где раньше не был.

Сладкий воздух странствий,
Обалдев, вдыхаю.
Ах венецианская
Улица ночная!

Вечер в декорациях
Золотых и синих.
...И цветёт акация,
Как на Украине.

Швейцарский эскиз

Сгустились сумерки,
Как прошлогодний мёд.
Какое-то швейцарское селенье
У озера стоит на отраженье
Своём – вниз крышами, наоборот.

И в этой перевёрнутости есть
Какой-то смысл,
И даже тайность шифра.
И возраста внушительная цифра
Читается всего, как 26.

Так в сумерках альпийский снег блестит,
Что все ответы кажутся вопросами.
В воде проплыло что-то вверх колёсами —
То вертолёт вдоль озера летит.

ИСПАНИЯ

По Гвадалквивиру

Невелика река, неглубока,
Но утонули в той реке века.
И старый мир, и этот новый мир
Сокрыл в воде своей Гвадалквивир.
Корабль старый, ржавые борта:
Какая истребилась красота!
Еврейская-арабская река,
Как радость, и как горе, глубока.
И христиан угрюмая струя —
Своя. А может быть, и не своя.
И правит праздник,
Правит вечный пир —
Гвадалквивир.

На стыках океанов и морей,
В истоках рек —
Везде бывал еврей.
Его дома и камни синагог,
И патио —
Слепой заметить мог.
Но зрячий враг отнюдь не замечал
Камней еврейских этих и Начал.
Не замечай нас, враг, не замечай,
Права свои неправые качай,
И рвы копай и печи раздувай!
Давай копай! Стреляй!
Души, давай!
Но и сквозь пепел прорастёт звезда
Давида – это навсегда!
В Днепре топи, в Освенциме сжигай...
Но «Хай Израиль! Хай!»⁷
Что хочешь делай,
Но неистребим
Народ по имени Иегудим!⁸

Улетаю в Мадрид

⁷ Хай -жив (*ивр.*)

⁸ Иегудим, иудим – евреи (*ивр.*)

Вечерами закат по-иному горит —
Жёлтым цветом сменился зелёный.
Завтра утром я улетаю в Мадрид.
Ожидай меня из Барселоны.

Далее кругом идёт в эти дни голова.
Не юнец – поспокойней бы надо.
Но как сладко катаются в горле слова:
Барселона, Севилья, Гранада!

Кастаньеты стучат, и коррида орёт,
И фламенко – сердечное средство.
Завтра утром – туда, лишь один перелёт
До мечты и до сказки из детства.

По-испански любой карапуз говорит
Там – в красивой стране, непреклонной.
Завтра утром я улетаю в Мадрид.
Ожидай меня из Барселоны.

Покидал Кордову

Дай мне слово, Кордова,
Что ты не забудешь меня,
Охранишь моё слово
От тления и огня.

Благодарен проулкам
И патио в древней пыли,
Мостовым твоим гулким,
Которыми предки прошли.

И морозит, и греет
Той жизни исчезнувшей свет.
Тех столетий евреи
Как будто бы смотрят вослед.

И мне кажется, снова
Подают запоздалую весть.
Обнимаю, Кордова,
Тебя – лишь за то, что ты есть.

Это древняя драма —
Гордиться, что сам ты еврей.
...Я, как сын Авраама,
Иду по Кордове своей.

СКАНДИНАВИЯ

Дождь в Копенгагене

В Копенгагене – дождь.
В шесть утра закрывают кабак.
Ночь окончилась, но
Не унять загулявших никак.

Вдоль канала датчанка угрюмо метет
Мостовую.
А дождик с похмелья
За нею идёт.

В Копенгагене – утро.
Промокли на мачтах флажки.
Элегично в душе,
Ноги так непривычно легки.

Это утро. И – август...
Прохлада врывается в грудь.
Этот дождик, душа,
Сохрани, охраняй, не забудь!

Прояснилось. И шхуны,
Еще не проснувшись, стоят.
А у окон – промытый, спокойный
И радостный взгляд.

Подгулявший, пропивший
Последнюю крону матрос,
Задаёт мне по-датски
Какой-то невнятный вопрос.

То ли время спросил,
То ли денежку он попросил?
Улыбнулся и дальше поплёлся,
Как видно, без сил.

Я шатаюсь без цели
Вдоль мачт. И тихонько пою
Про заморскую гавань
Недатскую песню свою.

И никто тут не спросит,
О чём эта песня моя,

Да и как занесло меня, грешного,
В эти края.

Стрельнул парус,
И рядышком где-то плеснуло весло...
Слава Богу – на склоне житейском
И мне повезло!

И вернуться на этот причал
Я, пожалуй, – не прочь.
Склянки пробили семь.
В Копенгагене кончился дождь.

«Вечерний звон» в Данни

По пешеходной уличной реке,
Вдоль лавок Копенгагенских гуляем.
В разноязыком гуле различаем
«Вечерний звон» на русском языке.

Печален звук. Кому они поют —
Кокошник, сарафан и балалайка? —
И только голубей панельных стайка
Их слушает, пока зерно клюют.

Певица, подувядшая давно,
Три музыканта в расписных рубахах
Стоят на тротуаре, как на плахе,
О чём поют – проходим всё равно.

Что я могу на этом берегу,
Турист, делами не обременённый? —
Ну разве что в коробку бросить крону.
Вот, собственно, и всё, что я могу.

Бреду в свою гостиницу пешком,
И думаю с какой-то горькой страстью:
«Как счастлив я, и вместе – как несчастен
С родным своим российским языком!»

«Вечерний звон»... А, может, это крик,
Звонящий крик, протяжный и усталый?
Каким огромным взрывом разметало
Тебя по свету, мой родной язык!

Хоть и неплохо это, в самом деле,
Но горько, что стоишь ты на панели.

Размышления у водопада

Немного бы в Норвегии пожить,
Не выгоды —
Души спасенья ради.
Не для того, чтоб троллей ублажить,
А для того, чтоб с эльфами поладить.

На фоне снежных шапок и озёр
Тебя обнимут истины и сказки
Какой бы ни был клоун и позёр —
Останешься без позы и без маски.

Примерно тыщу лет тому назад
Селение здесь ледником слизало.
Нет, это не прекрасный водопад —
А скалы плачут чистыми слезами.

Из этих слёз рождается река,
И в ней вскипает водопада брага.
Напейся ею досыта, пока
В груди твоей не прорастёт отвага.

На белой высоте замрёт душа,
На ленте цирковой дороги чёрной.
И долго будешь думать, не спеша
Вдыхая этот чистый воздух горный.

Отчётлив гор голубоватый лик,
Где обитают ангелы и черти.
А сроки знает разве что ледник —
Рождения, цветения и смерти.

Рыбный рынок в Бергене

Что болтаться по рыбному ряду зазря
И в охотку?
Золотисто-копчёного купим угря
И селёдку.

Отпускают сомненья, уходит тоска,
Как сквозь сетки.
Возлежат на прилавках минога, треска
И креветки.

Краб краснеет, как будто зардевшийся принц
Под короной.
И торговки весёлые с блюдцами лиц
Прячут кроны.

Я хожу, на халяву креветки жую,
Так, на пробу,
Ублажая тем самым и душу свою,
И утробу.

И на этом, не знаю досель берегу,
Этом бреге,
Я ни ног и ни денег не берегу.
Утро. Берген...

Над фьордами —
Чреда гранитных лбов,
И небо —
Из простой суровой ткани.
Норвегия! – последняя любовь
В моём на белом свете пребываньи.

С души сползает серой льдиной грим,
И кажется:
Сейчас над гладью водной
Возникнет на крутом откосе Григ —
Трагический и, вместе с тем, свободный.

Я столько раз влюблялся в те края,
Куда меня волна судьбы бросала.
О жизнь неуголимая моя! —
Любви с избытком,
Но и зла – немало.

Над фьордами
Понятно всё без слов,
И можно в чувствах признаваться молча.
Норвегия – последняя любовь —
Ты – словно луч закатный
Перед ночью.

Если бы...

Были б деньги – купил бы в Норвегии дом,
Поселил бы друзей в этом доме своём,
Да и сам проводил бы там лето.
Вдалеке от бензиновых смрадных дорог
Жил да жил бы себе точно вольный стрелок,
Но пока нету денег на это.

На скале я над фьордом повесил бы флаг
Из полотнища белого в синих кругах,
В озарении солнечных бликов.
А в подвале бы винная бочка была,
И скамейки сосновые вдоль стола —
Всё удобно, без лоска и шика.

Мы ловили бы рыбу, собирали грибы
Рядом с домом, если бы да кабы...
Чай хлебали с малиною свежей.
А с утра бы писали такие стихи,
Что все прошлые наши огрехи-грехи
Вспоминались бы реже и реже.

Там звенела бы чисто любая строка,
Как вода с поднебесного ледника,
И как ветер над Северным морем.
А над лесом бы занималась заря,
Нескончаемый день дружбе нашей даря
Без тревог и тем более – горя.

Только море и небо. Зарница и гром.
Были б деньги —
Купил бы в Норвегии дом.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО БЛОКНОТА

Просыпайся, Америка!

Как же это, друзья, получается:
Я, считая, все пальцы загну.
Но, когда Тель-Авив просыпается,
То Нью-Йорк лишь отходит ко сну.

Так охота, попив утром кофию,
«Бокер тов»⁹ прокричать в телефон.
Но зачем вам моя философия? —
Над Америкой темень и сон.

Прёт волна с европейского берега,
Воет ветер, как дьявол в трубе.
Просыпайся скорее, Америка! —
Мы такое расскажем тебе.

Здесь, покуда тебе отдыхалось —
Нашей общей свободы оплот, —
Мы такого уже нахлебались —
Всё с Востока, с Востока идёт.

Разве ты позабыла: Восток —
Нашей веры и вашей исток.
Ведь на хлебе Востока возрос
Этот мальчик, который – Христос.

После 11 сентября 2001 года

Над Гудзоном воздух горький
Под великим звёздным флагом.
Призадумались в Нью-Йорке,
В Вашингтоне и в Чикаго.

Даже, если ты летишь
На Лас-Вегас – развлекаться,
В аэропорту – стриптиз:
Заставляют раздеваться.

Лучиком проткнет меня,

⁹ Бокер тов – доброе утро (*ивр.*)

И просветят всё – до точки:
Даже слышно, как звенят
Все застёжки и крючочки.

Гвоздиком прибит каблук —
Гвоздик может быть оружием.
Это тоже лишний звук,
Подозрительный, ненужный.

До чего обманчив вид
Всех, когда в умах разруха!
Может, террорист-бандит —
Эта, в чепчике, старуха.

Истина всегда во тьме —
Голубем глядится кобра.
Как узнаешь, что в уме
Юноши с улыбкой доброй.

...В самолёте стюардесса
Угощает свежей прессой.
Нефть, газопровод, эмбарго —
Мне ни холодно, ни жарко:
Всё – газетная фигня.
Может, вся эта фигня
Целит именно в меня.

Встреча с братом в Чикаго

Ах, как ты залетел
Далёко-далеко,
Любимый младший брат,
Двоюродно-родимый!

Как дышится светло,
Как пишется легко,
Когда под боком ты,
Живой и невредимый!

Зачем же и куда
Собрался и удрал?
Но память – есть души
Врачующее средство.

Чтоб снова воскресить
И Волгу, и Урал,
И тёплый Южный Буг,

И золотое детство.

Фалеевской пройти,
Запрыгнуть на трамвай
В трусах и босиком
И укатить к яхт-клубу.

Давай, мой младший брат,
Ещё повспоминай
Акации в цвету
И заводские трубы.

Ты спать не торопись,
Ты посиди со мной,
И расскажи ещё,
Как шлялись по бульвару,

Гоняли старый мяч
По улице Сенной,
Как прорывались мы
В кинотеатр старый.

Да, мы давно уже,
Мой младший брат, – не те,
Болтаемся сейчас
В хвосте обоза.

И так смеёмся мы
До колик в животе
Над юностью своей,
Что аж сверкают слёзы.

Прогулка по дождю

Ольге В.

Погуляю с сестрой по дождю.
Постою, покурю, подожду,
Никуда, ни за чем не спеша.
Пусть поплачет от счастья душа.

Как под дождиком тополь красив!
Слава Богу, что я ещё жив,
Слава Богу – в тоске не сторел!
И почти ещё, кажется, цел...

Слава Богу! Жене! И сестре,

Что по этой осенней поре,
По октябрьской, золотой,
Я гуляю, почти молодой!

Это утро.
И дождик.
И лес.
Будто умер —
И тут же воскрес.

ГЕРМАНИЯ

Встреча с другом

Это было, как в кинокартине,
Где сюжет играется вдвоём.
Прилетел во Франкфурт...
Друг старинный
Там встречал меня погожим днём.

Лес осенний с золотистой гривы
Страхивал листву.
– Как житуха?
– Главное, что живы —
Ты живой и я ещё живу.

– Как житуха, друг родной Илюха?
Я тебя увидеть захотел.
– Столько лет – ни слуху и ни духу!
– А сегодня взял и прилетел.

Два часа, как пять минут, до Кёльна —
И одни воспоминанья сплошь.
– Ну, теперь выкладывай застольно,
Как ты здесь, в Германии, живёшь.

Старый друг из молодости ранней,
Говори давай, не умолкай.
Ну а я тебе – про свой Израиль.
Ты пока по третьей наливай.

Жаль нет с нами некоторых прочих,
Тех, кого уже обнять нельзя.
Пьём и вспоминаем, и хохочем —
Так, что даже катится слеза.

Илье Бортишину

Рейн течёт, как медленная проза,
Чайки отдыхают на песке.
Что-то шепчет белая берёза
На своём немецком языке.
Хорошо, что тучи сносит к югу:
Можно прогуляться без зонтов,
От души наговориться с другом —
Вспомнить и про это и про то.
Но попалась лестница крутая —
Надо постоять и покурить.
Посмотреть, как клёны облетают,
Красный лист осиновый горит.
Это, видно, Бог назначил встречу
Нам с тобою здесь – на Рейн-реке,
Чтобы посреди немецкой речи
Помолчать на русском языке.
Примем пару раз по малой дозе,
Пивом кёльнским это всё запьём.
И тогда мы, может быть, берёзу
На немецком языке поймём.

Осень в Кёльне

Как аккуратно подстрижен газон,
Кустики – в полном порядочке.
Деду – за восемьдесят. Он
Присел отдохнуть на зелёной лавочке.

Наверное, это правнук его —
С красным ведёрком и жёлтым мячиком.
...Лет шестьдесят тому всего
Я был примерно таким же мальчиком.

Тоже осень была тогда —
Под Сталинградом.
А ну его!
Мне не надо туда.
Даже в мыслях —
И то не надо.

Не этот ли

в сорок втором
поливал меня
Горячим железом?!
Боже! Какая, однако, фигня
В голову лезет...

В Трире

Рейн-Вестфалия намного шире,
Чем Израиль —
Ясно и для нас.
Оказались нынче в полдень
В Трире,
Где родился классик Карл Маркс.

Кем-то он недолго здесь работал,
Пил вино, бывало, целый день.
И со службы выгнан был за что-то.
Кажется, за почерк и за лень.

«Капитал» писал,
Служанок портил,
Очень не любил рабочий класс.
Но зато любил он —
Выкрест чёртгов —
Всех учить,
Особо рьяно – нас.

И марксизм этот мы зубрили —
Всё, что он нам в книжках написал.
До чего ж послушными мы были.
Что ж ты, Карла, пудрил нам мозги...

По дорогам римских легионов

Я проехал тыщу перегонов,
Лишь столбы мелькали на пути.
По дорогам римских легионов
Нынче в осень повезло пройти.

Что-то вечер наступает рано:
Только шесть, но опустилась тьма.
Видно всех дорог Октавиана
Не успеть пройти —
Грядёт зима.

Мы катастрофически стареем —
Не объять все горы и моря.
Ах ты Рейн, русалка Лорелея,
Жизнь предзакатная моя!

Завтра вновь наступит вечер ранний,
А за ним большая ночь придёт.
Не успеть увидеть всех германий
По причине шахматной —
Цейтнот...

Ива старая свесила косы
В Дюссельдорфе, над тихим прудом,
Задаю себе сотню вопросов —
И всего два ответа потом.

Вот трамвай,
Вот базарная площадь,
Вот роскошный какой-то пассаж.
Нам, ребята, чего бы попроще —
Всё красиво,
Но город не наш.

До свиданья!
Живите счастливо.
Глохнут уши,
Устали глаза.
Наливай дюссельдорфского пива,
Подскажи, как пройти на вокзал.

Что случилось в этот день осенний?
Даже и непьющая жена
Выпила со мной под настроенье
Молодого рейнского вина.

Ох, пропью до нитки всё! Держите
Вы меня,
А то замаюсь пить.
Но когда кутить ещё, скажите,
Если не по осени кутить?

Как внезапно наступает вечер,
И темнеет голубая высь!
Жаль, что этот Рейн не бесконечен,
Этот день,
И этот год,
И – жизнь.

Счастья – мало,
Много больше – горя.
Сроки не дано предугадать.
Рейн впадает в Северное море —
А куда ж ему ещё впадать?!

Амстердам

По каналу сорок пять минут
Погуляли,
Больше – ни минутки.
Как-то по-домашнему плывут
Рядом с бортом медленные утки.

Черепичных красных крыш лубок
Повторяет город многократно.
Проститутка кажет жирный бок,
Мне не нужный даже и бесплатно.

Ветер гонит переулком хлам;
Обжигает слух голландской речью.
Хорошо приехать в Амстердам
Утром,
И уже свалить под вечер.

Брызнет дождь,
Нагонит лёгкий сон.
Дрёмой путь до Кёльна скоротаем,

...А за чаем утром вспоминаем
Этот нидерландский Вавилон.

Над Дунаем

Не мечтал я о такой награде:
Оторвавшись от рутинных дел,
Над Дунаем, в граде Вышеграде,

Под сентябрьским солнышком сидел.

Эту тишину и эту ясность
Сохранить бы в сердце про запас.

...Что там – меж Лубянской и Красной
Происходит в этот самый час?
Может быть, не стоит думать вовсе
На венгерском берегу о том,
Что такая же сегодня осень
Над Москвой-рекою и Днестром?

Я покинул те края навеки,
Старыми ногами семеня.
Даже не спросили эти реки,
Что в душе творилось у меня.

Я теперь не сгину ненароком,
Не уйду ко дну и не сгорю —
И за это Родине жестокой
Я «спасибо» говорю.

...И чего я здесь распелся ради? —
Знаю сам, что словоблудье – зло.
И зачем мне в граде Вышеграде
Это только в голову пришло?

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА

Разговор на прощанье

Окраинное русское село
Заброшено, крапивой заросло,
Но в том лесном, занюханном селе
Абрам играет «фрэйлехс»¹⁰ на пиле.
Но в тех заледенелых лагерях
Пиликает на скрипочке Ицхак.
И Янкель, наподобие брахи¹¹
Читает уркам Пушкина стихи.

...Деревня. Полусгнивший грустный клуб.
Похож на пейсу тот хохлацкий чуб.
Он самогонку пить с тобой готов,
А завтра на рассвете бить жидов.
– Эх! Одна живём, працюем, пьём!
– Сегодня мы вдвоём, а завтра – бьём?
– Куды, пытаю, прётесь вы, жиды?
Всего достигли здесь!
Зачем – туды?
Но ты меня не слушай и налей.
Умеешь пить – какой же ты еврей!
– Спасибо, друг хохол,
И друг кацап.
Сегодня пить – невмочь,
Видать, ослаб.

Сегодня корешуй, дружок, с другим.
А завтра я – на Иерусалим...
– Вот видишь – стало быть и ты хорош,
А нашу самогонку с салом жрёшь!
Вселился и в тебя иудин бес!
Как волка ни корми – он смотрит в лес...
Что позабыл ты на Земле Святой? —
Не богатей, а человек простой?
– Да, это так. Спасибо за совет.
Но нынче ты мне друг,
А завтра – нет,
А послезавтра... Господи спаси!
– Да будет! Лучше выпей-закуси.
Ты отменил бы лучше свой отлёт.

¹⁰ Фрэйлехс – веселая танцевальная мелодия (*идши*).

¹¹ Браха – благословение (*ивр.*)

Послушай: птаха русская поёт...
И что ты напоследок здесь шумишь?!
Послушай лучше, как шумит камыш,
Послушай, как берёзонька вопит:
«Не покидай меня, российский жид!»
– Таковую «ласку», друже, понимать
Обрыдло. Нелегко мне посылать
Ко всем чертям свою Рассею-мать!
Но завтра я билет себе куплю,
Что равносильно – я её пошлю.
С её вождями и с её Кремлём!...
...А по остатней, так и быть, нальём.
За то, что всё же русских баб любил,
И русским моряком на флоте был.
За то, что я отстаивал за двух,
За трёх, за четырёх российский дух!
Но не хочу я боле ничего —
Лишь, чтоб здесь духу не было мово...
Мы кончили бутылку. Прощай!
Давай мне лапу – и не провожай.
Я подустал спасти Святую Русь.
Прости!
Прощай!
Я вряд ли возвращусь...

Воспоминания о флоте

Я в жизни кое-что видал,
И кое-где бывал, однако.
Но нет милее этих знаков:
Корабль, палуба, штурвал.

Да! Это знаки – не слова,
Не буквы, а скорее вехи
Работы трудной, не потехи.
И это вам не трын-трава.

Сама собой накатит вдруг
Строка сурового напева.
Где ты, старлей товарищ Левин,
И где теперь капдва Сердюк?

Панов – весёлый старшина,
Он, кажется, был из Тамбова.
Матрос Дорожкин, вроде, Вова.
Но разве дело в именах!

Я в жизни многое видал,
Чудес и бед немало всяких.
Но как услышу слово «якорь»:
Корабль, палуба, штурвал...

Как до обидного мала
Судьба житейского приюта!
Тельняшка, мичманка, каюта,
Швартовка – молодость прошла,
Причал.
Такие вот дела...

Три аккорда

Я был, наверное, в ударе,
Я от апреля ошалел:
Решил учиться на гитаре —
И три аккорда одолел.

Но скоро понял: струны – поза
С картинно поднятой рукой,
И что гитара – просто проза
Перед моей живой строкой.

И в слове столько струн и звуков,
Что на столетье хватит петь.
А музыкальную науку
В пять жизней мне не одолеть.

Один задор – в моём ударе.
Чтоб попусту не тратить сил,
Я бросил тренькать на гитаре,
А три аккорда позабыл.

Я возвратился к слову снова,
Чтобы душой его согреть,
И смысла в нём достичь такого,
Что без гитары можно петь.

Триптих пера

1

Нет ничего тяжелее пера

В этой работе земной.
Тот, кто не смыслит в труде ничего,
Может поспорить со мной.

Скажем, что весит вот эта строка? —
Тонну? Центнер? Полкило?
И почему та строка на века? —
Было перу тяжело.

Гром над империей Римской гремел,
Машет палач топором:
Знаем, поскольку всё это поддел
Кто-то гусиным пером.

Передо мною сегодня гора,
Но напрягусь, сокруша.
Душу, к примеру, поднять для пера —
Сколько потянет душа?

2

Если на дороге встретишь чудо,
Значит – ты до этого дорос.
Главное: не потерять рассудок,
С рельсов не сойти или с колёс.

Этот миг душевного итога —
Результат того, чем прежде жил.
Это значит – наконец, у Бога
Ты немного счастья заслужил.

Пробил час для дел святых и песен.
Брось рутину. Думай и дыши.
Этим белый свет и интересен —
Делай только то, что для души.

Будь построже, слово гни потуже.
Пусть тебя не трогают, любя:
В этот час тебе никто не нужен,
Кроме, разумеется, себя.

3

Нет, забвения я не страшусь.
Просто жаль, что кончается действо,

Никуда от финала не деться —
Оттого эта светлая грусть.

О, помедли немножечко, день,
Задержись на полчасаика, вечер,
И не двигайся, дерева тень,
Приближая последнюю встречу.

Отдохните, постойте пока,
Запряжённые кони!
Дайте ветку потрогать ладонью,
Так и тянется к птице рука.

Эта пьеса подходит к концу,
Эта трагикомедия, драма.
...И пора собираться к отцу,
И пора на свидание с мамой.

Художник

Он вас не хочет больше видеть,
Встречая на своём пути.
Художника легко обидеть —
Гораздо легче, чем спасти.
Он, как слепой искристый дождик,
Залётный ангел или бес.
– Гляди! Подумаешь – художник!
Мазила, пьяница, балбес!
Пошёл ты со своей палитрой!
Вот привязался, чёрт возьми!...
Тебе, милой, дружить с поллитрой
А не с приличными людьми...

Он только криво улыбнётся:
– И, впрямь, за что меня любить?
И в дупель к вечеру напьётся,
Хоть не хотел сегодня пить.
Он будет пить со всякой рваньё,
И проклинать такую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.